

А. В. КОЛЧАК

<«...Путь, на который вступила наша революция, есть путь государственной гибели»>

В конце июня 1916 года я получил назначение в Черное море на пост командующего флотом с производством в вице-адмиралы (в контр-адмиралы я был произведен на пасху 1916 г.). В первых числах июля я прибыл в Севастополь и вступил в командование флотом. Между прочим не могу не отметить пребывание у меня в Севастополе бывшего Верховного главнокомандующего генерала Алексеева, который приезжал туда лечиться. Мне часто приходилось видеться и беседовать с генералом Алексеевым о государственных вопросах, относящихся к периоду, непосредственно предшествовавшему революции.

Командуя флотом, я все свои усилия сосредоточил на организации борьбы с германскими подводными лодками. Рядом минных операций, заграждением Босфора и сторожевой службой мне удалось совершенно прекратить выход «Гебена» и «Бреслау» — двух быстроходных немецких крейсеров — беспокоивших своими набегами наши берега. За время моего одиннадцатимесячного командования флотом, «Бреслау» был в Черном море только один раз, а именно в первый день моего командования флотом, когда я встретил его на линейном корабле «Императрица Мария» у Анатолийского побережья.

Я не мог догнать этот быстроходный крейсер на линейном корабле, и он ушел в Босфор, и вновь появился в Черном море в июне 1917 года, когда я оставил Черноморский флот. Деятельность неприятельских подводных лодок мне удалось также совершенно ликвидировать и поддерживать сообщение в Черном море, как в мирное время.

Громадное значение придавал я Босфорской операции, целью которой была высадка большого десанта и захват Константинополя. Революция сделала эту задачу невыполнимой.

С началом революции, мне удалось сохранить свой авторитет и первые два месяца, несмотря на головокружительный развал армии

и Балтийского флота, Черноморский флот выполнял свои боевые обязанности, как и раньше. Но преступная деятельность германской агентуры, обеспечиваемая действиями правительства, особенно с того момента как военным и морским министром объявился А. Ф. Керенский, неминуемо должна была сделать свое дело, и с появлением Керенского во главе военного и морского ведомств — уже ничто не могло удержать Черноморский флот от полного развала и дезорганизации.

В конце апреля мне пришлось по вызову А. И. Гучкова побывать в Петрограде в те памятные дни, когда первое Временное Российское правительство фактически потеряло свою власть, перешедшую в руки интернационального сброда Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов с Лениным и Троцким и прочими тайными и явными агентами и деятелями большого Германского генерального штаба.

В эти несчастные дни гибели русской государственности на политической арене появились две крупные фигуры — своего рода символы: один — государственной гибели, а другой — попытки спасти государство: я говорю о Керенском и о генерале Корнилове.

В это же время на военном совете в Пскове под председательством Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева я впервые с совершенной убедительностью понял, что война с Германией, несмотря на полную возможность доведения ее в этом году до победоносного конца, проиграна безвозвратно и, вернувшись в Черное море, я счел долгом открыто об этом заявить флоту, которым я в то время еще фактически командовал.

Мое беспристрастное изложение нашего военного и политического положения вызвало среди команд Черноморского флота проявления патриотического чувства, и результатом этого явилась посылка черноморской делегации в Москву, в Петроград и на фронт.

Я совершенно определенно указал, что путь, на который вступила наша революция, есть путь государственной гибели, связанной с проигрышем европейской войны, осложнениями с нашими союзниками, с грядущей потерей политического значения России как державы и весьма вероятным территориальным ее разгромом. С появлением Керенского во главе российского правительства работа большого Германского генерального штаба соединилась с поразительными легкомыслием и демагогической деятельностью Керенского и окружающих его членов Совета министров: Петроградский совдеп был представителем первого рода деятельности, а правительство изображало вторую половину работы. Уже в половине мая, после обнародования преступного правительственного акта, известного под именем Декларации прав солдата, я обратился к правительству с указанием на невозможность дальнейшей службы и просил освободить себя от командования.

Правительство отказало мне в этом, но через три недели мне пришлось все-таки оставить командование Черноморским флотом, который не замедлил пойти по общему пути со всеми вооруженными силами погибающего государства Российского. В Петрограде я встретился с американской миссией сенатора Рута¹, в составе которой находился адмирал Гленнон. Эта миссия обратилась к правительству с предложением послать меня на некоторое время в Америку, для передачи и обмена мнениями по целому ряду военно-морских вопросов, главным образом по ведению минной войны и по борьбе с подводными лодками. Правительство Керенского охотно согласилось на это, потому что желало избавиться вообще от моего присутствия, усматривая в нем явную опасность для начавшейся тогда, 4-го июля, последней фазы государственного развала, закончившегося торжеством большевизма.

<«Какими-либо политическими задачами и вопросами я почти не интересовался...»>

Алексеевский. В прошлый раз вы закончили тем, что получили в апреле неожиданное производство в вице-адмиралы и телеграмму о назначении вас командующим флотом Черного моря.

Колчак. Получивши это назначение, я вместе с тем получил приказание ехать в ставку для того, чтобы получить секретные инструкции, касающиеся моего назначения и командования в Черном море. Я поехал сперва в Петроград и оттуда в Могилев, где находилась ставка, во главе которой стоял ген. Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего. Верховным главнокомандующим был бывший государь. По прибытии в Могилев, я явился к ген. Алексееву. Он приблизительно в течение полутора или двух часов подробно инструктировал меня об общем политическом положении на нашем западном фронте. Он детально объяснил мне все политические соглашения чисто военного характера, которые существовали между державами в это время, и затем после этого объяснения сказал, что мне надлежит явиться к государю и получить от него окончательные указания. Указания, сделанные мне Алексеевым, были повторены и государем. Она сводились к следующему: назначение меня на Черное море обуславливалось тем, что весной 1917 года предполагалось выполнить так называемую Босфорскую операцию, т. е. произвести уже удар на Константинополь. Все это находилось в связи с положением